

ГИРИН Ю. Н.

Становление латиноамериканского этоса

В статье рассматриваются предпосылки формирования латиноамериканского культурного кода. Предполагается, что само «открытие» Латинской Америки явилось результатом мифоориентированного сознания первопроходцев. Автор полагает, что латиноамериканский мир был явлен или дан субъекту действия еще до своего открытия – он был скорее изобретен. Изобретение Нового Света стало ключевым фактором его жизнебытия на протяжении всей его истории и культуры. Именно инвенция сделалась основным атрибутом латиноамериканского этоса и инструментом интерпретации собственного способа бытия. Вот почему в подавляющем большинстве творцы латиноамериканской культуры столь пристрастны к поэтике выдумки, инвенции, мифотворчества, т.е. создающего измышления как способа самопознания и самоутверждения.

Ключевые слова: открытие, изобретение, утопия, граница, образ, самосозидание, форма, гиперболичность.

Гирин Юрий Николаевич

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького, сектор ибероамериканского искусства, Государственный институт искусствознания, Москва

ORCID ID: 0000-0002-3251-0641

yurigin@hotmail.com

Key words: opening, invention, utopia, border, image, autoipoiesis, form, hyperbolicity.

Girin Yuriy N.

Doctor of Philology, leading researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; leading researcher at the Ibero-American Art Department, The State Institute for Art Studies, Moscow

ORCID ID: 0000-0002-3251-0641

yurigin@hotmail.com

GIRIN YURY N.

Latin American Ethos Formation

The premises of Latin American cultural code formation are considered in the article. It is supposed that the “opening” of Latin America itself became the result of myth oriented awareness of pathfinders/pioneers. The author supposes that Latin American world was *appeared* or *given* to the agent even before its opening – it was rather invented. The invention of the New World became the key factor of its living/being over a period of the whole its history and culture. The invention exactly became the main attribute of Latin American ethos and the tool of interpretation of its own way of living. That is why the overwhelming majority of Latin American culture creators are so partial towards the poetics of fiction, invention, myth creation, that is creating inventions as a way of self-knowledge and self-affirmation.

УДК 008
ББК 71

Латинская Америка – не просто географическое понятие. Это цивилизация особого, пограничного типа, к которому, кстати, принадлежит и Россия. Ведь Россия, так же как и Латинская Америка, не столько живет собственной реальностью, сколько пытается выстроить ее, обрести свою самость. Латинская Америка – это некая цивилизационная особость, по сию пору одержимая обретением собственной культурной идентичности (в русском изводе – «национальная идея»), хотя в действительности (на неотрефлексированном уровне) ее идиосинкразия обеспечивает ей полноценную самость. В этом смысле Латинской Америке присущ комплекс объектности, хотя XX век, особенно вторая его половина, позволил ей, наконец, обрести искомую самоидентичность, стать субъектом самобытия. Я намеренно развожу понятия «самость» и «идентичность», полагая, что латиноамериканская самость представляет собой совокупность разных идентичностей.

Будучи трансплантированными на американскую землю (даже еще и не ставшую Америкой), – в результате колониальной экспансии либо, напротив, путем ассимиляции автохтонами, а также и посредством апроприации местных культурных ценностей, – инокультурные ценности и смыслы приобрели и продолжают претерпевать такое перекодирование, что практически все считавшиеся «универсальными» категории культуры в новом контексте исполняются совершенно особыми смыслами, приобретают специфические коннотации.

Мир Латинской Америки являет собой соположенность множества этнических, культурных, цивилизационных и формационных типов, механизм интегрирования (в основном, осмотического типа) которых столь многосложен, а главное – векторно разнороден по

принципам функционирования, что его описание и интерпретация требуют собственного гносеологического тезауруса.

Сугубая особость, инаковость латиноамериканского культурного мира объяснима разными факторами. Прежде всего, это результат пересечения первооткрывателями громадного водного пространства, что привело к перекодированию жизненных норм и представлений, о чем писал А. Тойнби: «Во время заморской миграции весь социальный багаж мигрантов сохраняется на борту корабля как бы в свернутом виде. Когда мигранты вступают в чуждые пределы, он развертывается, вновь обретая свою силу. Однако тут зачастую обнаруживается, что все, что так тщательно сохранялось во время путешествия и представляло существенную ценность для мигрантов, на новом месте утрачивает свое значение или же не может быть восстановлено в первоначальном виде. Этот закон характерен для всех без исключения заморских миграций» [7, с. 134]. К этому можно добавить удачное наблюдение отечественного исследователя: «*Иначе говоря, путешествие – это осознанное перемещение в физическом и одновременно в метафизическом пространстве, предполагающее целенаправленные и не всегда контролируемые сознанием экзистенциальные изменения онтологии путешествующего*» [4, с. 18].

Особым образом этот принцип применим к формированию латиноамериканского культурного кода. Кубинский писатель и мыслитель А. Карпентьер написал «от имени» Колумба: «Игра воображения, – подумал он. <...> Однажды, возле мыса на побережье Кубы, названного мною Альфа и Омега, я сказал, что здесь кончается мир и начинается другой: другое Нечто, другое качество, какое я сам не могу до конца разглядеть. Я прорвал завесу неведомого, чтоб углубиться в новую реальность, выходящую за пределы моего понимания» [5, с. 556]. То есть типичный *rite de passage* порождает утопический образ иного мира и себя в этом мире.

Важнейшим фактором культурогенеза является язык. Однако иберийская языковая матрица не соответствует американской природной идиосинкразии, не совпадает с контуром ее ландшафта, диктующего иное мировосприятие, иной строй языка, иную энтелехию. Поэтому возникает особый, американский синтаксис культурного дискурса, основным инструментом которого оказывается парафраз. Смысловому обыначиванию, перекодированию подвергаются основные

категории европейской картины мира: это относится к таким определителям культурной матрицы, как идентичность, утопизм, трансгрессия, Другой, предел, граница [3, с. 354–360]... Перекодированные понятия оказываются взаимосоотносимыми и насыщенными иными смыслами. В новой картине мира меняется вся знаковая система. Поэтому «внутреннее ощущение пустоты обращается в императив», нереализованные ожидания преобразуются в мощный мифогенный пласт утопических построений [13, с. 34, 35]. Понятие утопии наполняется положительными коннотациями, поскольку мыслится в модуле целеполагания, подразумевает возможность самореализации, переход из неподлинности и несостоятельности в полное раскрытие самости. Современный культуролог Ф. Аинса полагал, что «грядущая утопия выйдет за пределы той „нигдеиной“ территории, на которую указывает ее этимология; она станет настоящей *пантопией* – утопией „всех возможных пространств“» [1, с. 205].

В Латинской Америке реализация собственных смыслов в утопической перспективе есть не что иное, как гипертрофированная семантизация оболочки, границы, ее вынесение за слой собственно предела и распространение на сферу всего внешнего пространства. Поиск истины о себе традиционно ведется через образ, выражение, форму. Неудивительно, что в ее лоне возникают гипертрофированные представления об образе как наивысшей культуротворческой силе, способной «обратиться в историю», как постулировал кубинец Х. Лесама Лима: «Образ как абсолют, образ самосознающий, образ как последняя из возможных историй» [11, с. 300].

В латиноамериканском культурном мире «видимость берет верх над сущностью и порождает мотивы, обуславливающие историческое действие» [15, с. 97]. Со времен первоначалия культура Латинской Америки функционировала по принципу *forma formans*, ориентированному на самосозидание. Мексиканец О. Пас ярко писал об этом «стремлении, движении, обращенности вперед – к тому, чем мы сами являемся. Поэтому поэтическое творчество есть сотворение нашей свободы, нашего воления быть. В этом акте свободы мы выходим за пределы нас самих, чтобы осуществиться в более полной мере» [14, с. 172]. По-видимому, в этом можно видеть специфический культурогенный принцип, объясняющий, в частности, столь характерное для латиноамериканских литераторов стремление к сотворению

метафизической «второй реальности», помещаемой в контекст экстерриториальности и экстемпоральности.

Образ этого мира априорно не целостен, но – не расщеплен, а изначально полиморфен. Латиноамериканское сознание, исторически ориентированное на европейскую парадигму, не встраивается в нее, а наоборот – включает ее в собственный состав мира, построенный на началах двойной парадигматики. «Двойной огляд: Европа через Америку – не та же ли Америка, что и Америка через Европу? Истоки сокреста сокрыты от взгляда <...> скрещенье перспектив – фатальное сращенье...» [2, с. 7].

Парадоксальным образом внутренняя форма культуры творится и возникает в поверхностных слоях латиноамериканского мира. Оболочечному слою латиноамериканской семиосферы принадлежит и такой ее предикат, как воображение. Рискну высказать предположение, что воображение как культурогенный фактор является в латиноамериканском цивилизационном континууме агрегатным по отношению к основному коду – пустотному. Так же как и пустота, воображение в латиноамериканской культуре играет роль моделирующего механизма, содействующего культуротворческому процессу в узловых актах самосозидания. Поэтому столь высокую семиотическую значимость обретают в латиноамериканской культуре разнопорядковые, но аксиологически взаимосоотносимые предикаты поверхности: телесность, физиологичность, сексуальность, плотскость, материальность, декор, орнамент, фактура слова, речевая избыточность, примат языка, высказывания, формы, выражения.

Латиноамериканский мир все еще находится в процессе самосотворения, то есть собственно семиозиса, самоозначивания – не случайно в его культурной традиции невероятно высока роль акта самопоименования, наречения имен вещам собственного мира, перечисления собственных реалий и т.д.: все это происходит оттого, что его культурное пространство пока не стало смыслооформленным и законосным телом, то есть семиосферой, и как таковое подлежит о-формлению. В результате акт *изобретения* (истории, образа, действительности) оказывается равным акту *создания* того же самого как возможности поиска собственной бытийной основы. И если европейское сознание, верное имманентному собственной природе

принципу экстенсивности, выдумывает *других*, то латиноамериканское вынуждено выдумывать *себя*.

Новый Свет, утверждает немало размышлявший на эту тему мексиканский писатель К. Фуэнтес, «существует, потому что мы так хотим. Он существует, потому что он живет в нашем воображении. Он существует, потому что он нужен нам...» [8, с. 617]. В другом месте он конкретизирует свою мысль: «Прежде чем обрести реальность, Америка должна жить в желаниях» [9, с. 29]. Г. Гарсиа Маркес и вовсе абсолютизирует воображение как средство не только постижения, но и сотворения мира Латинской Америки. Категорически отвергая фантазию, понимаемую как «чистый вымысел, не основанный на реальности», он постулировал «реализм ирреальности» как свойство воображения, позволяющего художнику «создавать новую реальность, исходя из реальности, в которой он находится» [10, с. 314].

Можно сказать, что в латиноамериканской онтологии европейский космообразующий, предельоформирующий субстантивЛогос вербализуется, приобретает свойства модальности, предикативности; логический синтаксис тяготеет к аграмматизму, к морфологическим отклонениям, вообще – к метаморфозу. Та же тенденция проявляет себя и в области естественного языка, и в сфере культуротворчества. Иначе говоря, для латиноамериканской онтологии специфичны модальность, предикативность, валоризация связей, типов их отношений; поэтому способ организации культурного дискурса и оказывается самым содержанием, а логические зазоры, семантические зияния выступают в роли носителей гипотетического, вневходимого смысла, что и приходит в противоречие с рациональным, логоориентированным сознанием.

Возможно, своей интерпретационной методологии и своего концептуального аппарата, которые учитывали бы конкретное содержательное наполнение универсальных категорий и понятий, требует каждый тип культуры, каждый цивилизационный класс, если не любая отдельная культура, что составляет особую задачу гуманитарного знания. Во всяком случае, культура Латинской Америки представляет собой большую интерпретационную проблему на всех уровнях – от индивидуальных поэтик до поэтики латиноамериканского образа бытия как системы.

Список литературы:

- 1 Аинса Ф. Реконструкция утопии. М.: Наследие, 1999. – 207 с.
- 2 Витьер С. Пред. к кн.: Карпентьер А. Собр. соч. в 4 тт. Т. 1. М.: Художественная литература, 1994. – 624 с.
- 3 Гирин Ю.Н. Концепты границы, горизонта и пустоты в латиноамериканской культуре // Проблемы культурного пограничья. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 349–364.
- 4 Замятин Д.Н. Постномадизм: пространственные антропологии путешествий // Уральский исторический вестник, 2016, № 2. С. 17–26.
- 5 Карпентьер А. Арфа и тень // Карпентьер А. Избранное. М.: Радуга, 1988. С. 449–557.
- 6 Пас О. Диалектика одиночества // Освящение мига. М.: Симпозиум, 2000. С. 265–286.
- 7 Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
- 8 Fuentes C. Terra nostra. Barcelona: Ed. Seix Barral, 1975.
- 9 Fuentes C. Tiempo mexicano. México: Fondo de Cultura Económica, 1972. – 376 p.
- 10 García Márquez G. La soledad de América Latina. Ciudad de La Habana: Arte y Literatura, 1990. – 656 p.
- 11 Lezama Lima J. Las imágenes posibles // Confluencias. Selección de ensayos. La Habana: Letras Cubanas, 1988. P. 300–321.
- 12 Matamoros B. De invenciones y miradas // 1492–1992. A los 500 años del choque de dos mundos. Balance y prospectiva. Buenos Aires: Ediciones del Sol, 1991. P. 191–195.
- 13 Volek E. José Martí. ¿fundador de Macondo? // Trascendencia cultural de la obra de José Martí. Actas del Simposio Internacional. Universidad Carolina de Praga, 2003. P. 32–40.
- 14 Paz O. El Arco y la Lira. México: Fondo de Cultura Económica, 1967.
- 15 Silva J.T. de. Literatura e historia: la América barroca // Cuadernos americanos. México. № 29, 1991. P. 87–102.

References:

- 1 Ainsa F. *Rekonstrukciya utopii* [Reconstruction of utopia]. Moscow, Nasledie Publ., 1999. – 207 p. (In Russ.)
- 2 Vit'er S. *Pred. k kn.: Karpent'er A. Sobr. soch. v 4 tt. T. 1* [Preface to the book: Carpentier A. Collected works in 4 volumes. Vol. 1]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1994. – 624 p. (In Russ.)
- 3 Girin Yu.N. *Koncepty granicy, gorizonta i pustoty v latinoamerikanskoj kul'ture* [Concepts of boundaries, horizons and voids in Latin American culture]. *Problemy kul'turnogo pogranich'ya* [Problems of cultural frontier]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2014. Pp. 349–364. (In Russ.)
- 4 Zamyatin D.N. *Postnomadizm: prostranstvennye antropologii puteshestvij* [Postnomadism: spatial travel anthropology]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 2016, no. 2. Pp. 17–26. (In Russ.)
- 5 Carpentier A. *Arfa i ten'* [The arph and the shadow]. Carpentier A. *Izbrannoe* [Selected works]. M.: Raduga, 1988. Pp. 449–557. (In Russ.)
- 6 Paz O. *Dialektika odinochestva* [Dialectics of loneliness]. *Osvyashchenie miga* [Sanctification of the moment]. Moscow, Simpozium Publ., 2000. Pp. 265–286. (In Russ.)
- 7 Toynbee A. J. *Postizhenie istorii* [A study of history]. Moscow, Progress Publ., 1991. – 736 p. (In Russ.)

- 8 Fuentes C. *Terra nostra* [Our land]. Ed. Seix Barral. Barcelona, 1975.
- 9 Fuentes C. *Tiempo mexicano* [Mexican time]. México, Fondo de Cultura Económica, 1980.
- 10 García Márquez G. *La soledad de América Latina* [The loneliness of Latin America]. Ciudad de La Habana, Arte y Literatura, 1990.
- 11 Lezama Lima J. *Las imágenes posibles. Confluencias. Selección de ensayos* [The possible images. Confluences. Selection of essays]. Havana, Letras Cubanas, 1988. Pp. 300-321.
- 12 Matamoro B. *De invenciones y miradas. 1492–1992. A los 500 años del choque de dos mundos. Balance y prospectiva* [Of inventions and looks. 1492–1992. At 500 years of the clash of two worlds. Balance and prospective]. Buenos Aires, Ediciones del Sol, 1991. Pp. 191-195.
- 13 Volek E. José Martí. *¿fundador de Macondo? Trascendencia cultural de la obra de José Martí. Actas del Simposio Internacional* [José Martí, founder of Macondo. Cultural significance of the work of José Martí. Proceedings of the International Symposium]. Universidad Carolina de Praga, 2003. Pp. 32-40.
- 14 Paz O. *El Arco y la Lira* [The bow and the lyre]. México, Fondo de Cultura Económica, 1967.
- 15 Silva J.T. de. *Literatura e historia: la América barroca* [Literature and history: Baroque America]. *Cuadernos americanos* [American notebooks], 1991, no. 29. Pp. 87-102.